

Посмертные материалы А. А. Потебни.

(Статья В. И. Харциева).

Бумаги А. А. Потебни еще неразобраны, какъ слѣдуетъ, хотя въ печати сдѣлано было уже нѣсколько сообщеній о посмертныхъ его трудахъ. Въ виду того высокаго интереса, какой имѣютъ эти послѣдніе для читающей и мыслящей публики, я, принимая участіе вмѣстѣ съ другими бывшими слушателями А. А. въ перепискѣ III-го тома Записокъ по грамматикѣ, рѣшился вскользь пересмотрѣть и остальной рукописный матеріалъ, оставшійся послѣ покойнаго. Правда при бѣгломъ просмотрѣ трудно было составить себѣ точное представленіе о томъ, что осталось (я имѣю въ виду разнообразное содержаніе бумагъ); тѣмъ не менѣе, не ограничиваясь сухою описью, постараюсь познакомить и другихъ съ тѣмъ, что составляетъ содержаніе бумагъ покойнаго и въ какомъ состояніи онѣ находятся.

Девять десятыхъ рукописнаго матеріала, заключающагося въ двадцати объемистыхъ папкахъ, представляетъ ничто иное, какъ замѣтки для себя, въ которыхъ намѣчены лишь вѣхи для будущихъ работъ по изученію русскаго слова съ насоро, кое-какъ распределеннымъ матеріаломъ. На всемъ лежитъ печать недоконченности, внезапнаго прерыва, неисключая и III-го тома записокъ по грамматикѣ, обработкой котораго занимался покойный въ самое послѣднее время, будучи уже тяжело боленъ. Общее впечатлѣніе отъ просмотра бумагъ таково, что мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать объ Ал. Аѳ. тоже, что сказано имъ было когда-то по поводу смерти даровитаго филолога, питомца Харьковскаго университета, Ал. Вас. Попова: „вечіронька на столі, а смерть за плечима“; съ тою только разницей, что тамъ были широкіе планы, намѣренія и научная сила сгилла въ самой завязи, а здѣсь—цѣлый рядъ вопросовъ, интереснѣйшихъ по своей новизнѣ и строго-научному рѣшенію, вопросовъ порѣшенныхъ уже, но ждавшихъ только послѣдней отдѣлки....

Наиболѣе обработаннымъ трудомъ является III-й томъ Записокъ, съ котораго я и начну свою опись. Эти записки, примыкая къ нѣкоторымъ общимъ положеніямъ, намѣченнымъ въ первыхъ двухъ томахъ,

находятся въ тѣснѣйшей связи съ перепечатавающимся въ настоящее время раннимъ соч. А. А. „Мысль и языкъ“, такъ какъ отношеніе мысли къ слову составляетъ фонъ всей работы, основной задачей которой служить вопросъ „откуда и куда мы идемъ“ въ смыслѣ прогресса мысли.

Кромѣ общей заглавной рубрики „Объ измѣненіи значеній и замѣнахъ существительнаго“ въ 1-ой папкѣ, содержащей въ себѣ начало новыхъ Записокъ, мы находимъ еще слѣдующія подраздѣленія: первообразна-ли отвлеченность существительныхъ качества? Происхожденіе прилагательныхъ; согласованіе прилагательныхъ; согласованіе именъ въ степени уменьшительности. Происхожденіе разрядовъ существительныхъ. Грамматическій ходъ и его роль въ выработкѣ категорій существительнаго. Содержаніе II-ой папки исчерпывается слѣдующими заглавіями: Атрибутивность существительнаго; переходъ приложеній въ предложенія. Предикативность существительнаго; вытѣсненіе существительнаго адъективными и вербальными оборотами. Устраненіе субстанціальности предикативнаго имени посредствомъ субъектныхъ и безсубъектныхъ оборотовъ. Разборъ безсубъектныхъ выраженій (Mikl. Subjektlose sätze“). III-я папка раздѣлена двумя заглавіями: Формальные (синтактические) признаки конкретности существительнаго; тождество и сочетаніе синонимовъ. Наконецъ, еще въ одной папкѣ находятся черновыя замѣтки для того же III-го тома; здѣсь среди старыхъ пожелтѣвшихъ листочковъ лежитъ нѣсколько новыхъ листовъ, на которыхъ начата только переписка замѣтокъ подъ рубрикой: Перечисленіе части понятій, выраженныхъ существительными, при обнимающихъ ихъ общихъ (въ древнемъ стрѣбъ рѣчи).

Вмѣсто предисловія въ началѣ новыхъ Записокъ помѣщено нѣсколько общихъ замѣчаній о языкѣ и задачахъ языкознанія; здѣсь разбираются и опровергаются нѣкоторыя положенія Макса Мюллера въ его соч. „Das Denken“..., Спенсера—о методѣ изслѣдованія, и приводятся Гумбольдтовскія теоремы, болѣе обстоятельный сводъ которыхъ находится въ раннемъ трудѣ Ал. Ло. „Мысль и языкъ“. Изслѣдованіе о грамматическомъ родѣ, начатое по поводу книги Вольтера, находится въ связи съ вопросомъ о происхожденіи разрядовъ существительнаго, каковы имя дѣйствителя (nom. agentis, основная категорія), имя дѣйствія (nom. actionis), имя дѣла—вещи (n. acti) и пр. Здѣсь же помѣщены и замѣтки по поводу статьи Бругмана, утверждавашаго, что грамматическій родъ не находится въ связи съ естественнымъ.

Возраженія Бругману среди этого отдѣла составляютъ незначительную только часть; отдѣльной статьи о книгѣ Бругмана въ бумагахъ не оказалось.

Общее значеніе грамматическаго рода, которое ясно изъ самого заглавія отдѣла, опредѣляется между прочимъ такъ: грамматическій родъ вилетается въ распредѣленіе категорій мысли и является не просто остаткомъ сѣдой старины, наивнаго міросозерцанія, а важнымъ средствомъ приведенія въ порядокъ всего содержанія мысли.

Скромное заглавіе новаго труда по грамматикѣ, какъ и приведенныя выше рубрики не дадутъ никакого представленія о содержаніи его. А между тѣмъ это, именно, „Мысль при свѣтѣ языка“ или, лучше сказать „Исторія русской мысли подѣ освѣщеніемъ русскаго слова.“ Въ этомъ трудѣ наглядно доказывается мысль, которую не разъ высказывалъ Ал. Аѳ., что языковѣдѣніе—наука историческая и что оно должно быть вполне націоналистично. Сочиненіе по своему философскому характеру, какъ и упомянутое уже „Мысль и языкъ“, имѣетъ общій интересъ. Рисуя приемы древняго строя мысли, прекраснымъ образомъ котораго можетъ служить живопись безъ переспективы (Изъ записокъ, 2 изд., 300) и восходя къ болѣе сложнымъ приемамъ современнаго языка и мышленія, выработаннымъ вѣками, А. А. даетъ въ новомъ трудѣ новое частное рѣшеніе основной задачи грамматики, состоящей, по его словамъ, въ томъ, чтобы довести до сознанія *цѣли*, преслѣдуемаго языкомъ, какъ орудіемъ мысли, и *средства*, при помощи которыхъ достигаются эти цѣли. А цѣли эти состоятъ между прочимъ въ познаніи міра въ тѣсномъ смыслѣ путемъ выдѣленія своего *я*, надъ которымъ трудится и наука и всё человѣчество, идя по различнымъ путямъ, т. е. пользуясь разными языками, какъ орудіемъ познанія. Нѣтъ нужды говорить о важномъ значеніи этого труда для насъ русскихъ, что было бы преждевременно; но нелишне будетъ теперь указать на одну существенную его черту: въ немъ выяснены особенности уложенія мыслей въ русскомъ словѣ, въ постоянномъ процессѣ его измѣненія, совершенствованія. Какъ развивалось русское слово и мысль, это показывается на частныхъ фактахъ: на измѣненіи разрядовъ имени, отъ котораго зависитъ измѣненіе строя рѣчи, приемовъ мышленія. Общій характеръ этого постояннаго преобразованія, развитія выражается между прочимъ въ томъ, что сопоставленіе (паратактизмъ) замѣняется подчиненіемъ (гипотактичность); живопись безъ перспективы смѣняется стройнымъ изображеніемъ дѣйствительно-

сти, какъ она отражается въ нашей мысли. Анализъ языка, по словамъ А. А. (и это доказано имъ въ послѣднихъ запискахъ), показываетъ также, что ходъ человѣческой мысли идетъ парными толчками, что парность грамматическихъ разрядовъ, типичнымъ и основнымъ образцомъ которой является подлежащее и сказуемое, есть въ тоже время и парность философскихъ категорій; что при этомъ ритмическомъ процессѣ развитія мысли постоянно измѣняются грамматическіе разряды, а вмѣстѣ съ ними и философскія категоріи, субъектъ предиката и пр. и такія обобщенія какъ матерія и духъ, субстанція и сила, причина и слѣдствіе. Повсюду попутно съ анализомъ грамматическихъ явленій указывается на человѣкообразность такихъ общихъ понятій и на стремленіе выдѣлить эту человѣкообразность, что не увѣнчивается полнымъ успѣхомъ, ибо мыслить иначе, какъ по-человѣчески т. е. языкомъ созданнымъ и навязаннымъ тысячелѣтіями, человѣкъ не можетъ. Въ иныхъ случаяхъ, говоритъ А. А., печать человѣчности общихъ понятій менѣе уловима, въ другихъ она доступна и обыкновенному сознанію. Таковы, напримѣръ, понятія для выраженія причинности—*вражда, любовь, сходства— семейство, родъ* и то, безъ чего семейство невозможно, *полъ*. Разборъ этихъ понятій идетъ вслѣдъ за отдѣломъ о грамматическомъ родѣ, носящемъ на себѣ слѣды той же человѣчности, II-я и III-я папки заключаютъ массу частныхъ явленій языка, характеризующихъ тѣ же усилія мысли подняться отъ конкретнаго къ отвлеченному, отъ познанія на четверенькахъ къ быстротѣ телеграфныхъ сообщеній. Важнымъ шагомъ въ этомъ процессѣ видоизмѣненія приѣмовъ мысли является атрибутивность и предикативность имени, выработанная давно уже и ведущая съ одной стороны къ образованію прилагательнаго, отвлеченнаго имени изъ существительнаго первообразнаго, вмѣщавшаго въ себѣ всѣ свойства прилагательнаго, т. е., полную атрибутивность, качественность, не отвлеченную, а соединенную съ субстанціальностью, вещественностью; а съ другой—къ замѣнамъ его глагольнымъ сказуемымъ, субъектными и безсубъектными оборотами, анализъ которыхъ, какъ и свойствъ прилагательнаго, ведетъ къ обнаруженію интереснѣйшаго явленія, замѣчаемаго въ языкѣ, именно устраненія субстанцій, становящихся мнимыми, въ рѣчи и въ мысли.

Но на поверхности языка пестрѣютъ слѣды далекаго прошлаго, напр., паратактическія парныя сочетанія и новообразования по этимъ древнимъ образцамъ, имѣющія уже другое значеніе. Поэтому въ заключеніи труда мы находимъ съ одной стороны указанія формальныхъ

(синтактических) признаковъ конкретности существительнаго, а съ другой опредѣленіе роли тождесловія и сочетанія синонимовъ, какъ средства выражать субъективные оттѣнки мысли и создавать новыя значенія.

Переписка новыхъ записокъ по грамматикѣ, предпринятая бывшими слушателями А. А., нерѣдко обнаруживаетъ, что отдѣлка этого труда далеко еще не была закончена, что работа мысли остановилась на всемъ теченіи. Среди переписанныхъ набѣло рукою покойнаго листовъ вдругъ попадаются то тамъ, то симъ листочки или цѣлыя пачки ихъ съ замѣтками и выписками, неприуроченными къ опредѣленному мѣсту, съ черновымъ, неотдѣланнымъ матеріаломъ, изъ котораго не всё еще было извлечено. Кромѣ того повсюду встрѣчаются приписки на поляхъ безъ указанія, куда ихъ отнести. Кто знакомъ съ характеромъ изслѣдованій А. А., съ его приемами анализа и распредѣленія фактовъ не механически, по внѣшнимъ признакамъ, а по внутренней психической связи, причѣмъ не упускаются изъ виду самые неуловимые оттѣнки мысли и дѣлаются часто кажущіяся отступленія въ сторону; тотъ пойметъ, какъ трудно теперь, когда духъ его отлетѣлъ, разобраться съ этими приписками, вставками и т. п. Правда въ нихъ большею частью приводятся факты, но послѣдніе нельзя понимать, какъ нѣчто бросающееся въ глаза: въ научномъ фактѣ остается лишь то, что имѣетъ отношеніе къ соотвѣтствующимъ законамъ и обобщеніямъ. При наличности внѣшней классификаціи, по времени, формальнымъ особенностямъ приводимыхъ фактовъ, всегда надо имѣть въ виду эти обобщенія, которыя часто не даются Потебней, а иллюстрируются только конкретными явленіями, типичными образцами. Простая аналогія тутъ непоможетъ; каждый фактъ, занесенный подъ опредѣленную рубрику, придется будущей редакціи разложить про себя, чтобы потомъ приурочить его къ той или другой группѣ фактовъ.

Въ виду этого по мысли М. С. Дринова пока ведется только механическій процессъ переписки; каждый изъ участвующихъ въ перепискѣ, не выходя изъ положенія трости въ рукѣ книжника, по мѣрѣ силъ своихъ старается, провѣривъ по памятникамъ, передать въ болѣе доступномъ для прочтенія видѣ содержаніе рукописи, не забывая о группировкѣ фактовъ, исправленіи описокъ, недомолвокъ, неизбежныхъ въ черновой работѣ; а на поляхъ дѣлаются приписки карандашемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ошибка обнаружена сличеніемъ выписки съ подлинникомъ и т. п. Переписка ведется на одной сторонѣ листа, что облегчить поправки и перестановки при окончательной редакціи.

Вообще можно сказать, что теплое участіе жены покойнаго М. Ф. Потебни, готовность и усердіе бывшихъ слушателей, товарищей и учениковъ его привести въ порядокъ и издать его духовное наслѣдіе служить полнымъ ручательствомъ за то, что и новый томъ Записокъ, по грамматикѣ, какъ и другіе посмертные труды будутъ обнародованы, несмотря на всѣ трудности, самымъ тщательнымъ образомъ. Желательно было бы, чтобы при 3-емъ томѣ записокъ былъ приложенъ общій предметный указатель и къ первымъ двумъ частямъ, который кромѣ удовлетворенія общепринятымъ требованіямъ, необходимъ между прочимъ и потому, что въ нихъ повсюду разбросана цѣлая масса драгоценныхъ фактовъ и блестящихъ мыслей, не предполагаемыхъ вовсе заглавными рубриками.

Въ другихъ рукописныхъ матеріалахъ пока не найдено ни одной статьи сколько-нибудь цѣльной, если не считать вполне приготовленнаго къ печати, но нигдѣ ненапечатаннаго отвѣта П. Лавровскому на его разборъ диссертациі „О миѣическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ“.

Находящіеся въ 3-хъ папкахъ записки по теоріи словесности въ общей массѣ производятъ впечатлѣніе замѣтокъ для себя, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начата была уже обработка черновыхъ набросковъ. Содержаніе этихъ замѣтокъ по тремъ папкамъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ.

1) Исходи изъ общаго положенія, что изслѣдованіе простѣйшихъ явленій жизни даетъ возможность понимать болѣе сложные и примѣняя его къ языку, А. А. проводитъ параллель между словомъ и сложнымъ поэтическимъ произведеніемъ. Свойства слова частью аналогичны частью тождественны свойствамъ поэтическаго произведенія. Отношеніе говорящаго къ слову двояко: прежде всего для себя, потомъ для другихъ; въ первомъ случаѣ оно т. е. слово служитъ орудіемъ и вмѣстѣ результатомъ преобразованія мысли, совершенствованія ея производителемъ, говорящаго; во второмъ оно является средствомъ пониманія. Въ сложныхъ поэтическихъ произведеніяхъ—тоже самое, съ тою только разницей, что различіе обоихъ моментовъ—явственнѣе; положеніе это иллюстрируется Пушкинымъ, Гёте и другими. Вообще А. А. при анализѣ психологіи творчества пользуется всегда признаніями самихъ поэтовъ, уклоняясь отъ апріорныхъ умозаключеній

Далѣе слѣдуетъ опредѣленіе поэзіи какъ дѣятельности по роду и виду, но безъ той схоластической сухости, какая свойственна такого рода опредѣленіямъ, и указывается разница между искусствами по средствамъ выполненія. Вслѣдъ за рубриками „Родословная искусства“, „Поэтъ, публика, критика, толпа“ (иллюстраціи изъ Гёте, Пушкина, главнымъ образомъ изъ „Егип. почей“, Тургенева и др.) опредѣляется значеніе поэтического произведенія для автора и для публики. Подобно тому какъ слово есть актъ мысли, поэтическое произведеніе сложное разсматривается здѣсь, какъ рѣшеніе задачи, вызванной по Гётевскому выраженію внутреннимъ категорическимъ императивомъ: художника нудить создавать образы. Особенное вниманіе обращалъ А. А. на отрицательные типы или отрицательныя черты характеровъ; въ нихъ онъ находилъ важное орудіе личнаго усовершенствованія путемъ объективированія своихъ недостатковъ. Послѣ небольшой замѣтки о видахъ поэтической иносказательности и условіяхъ процвѣтанія и паденія поэзіи идутъ слѣдующія рубрики: Поэзія и проза, какъ два вида мышленія, поэзія и наука (философія), образъ и примѣненіе (элементы поэтического мышленія), фактъ и законъ (эл. научнаго мышленія), вдохновеніе (теорія его въ историческомъ развитіи), стыдливость творчества (признанія поэтовъ *sub rosa*) и наконецъ, народная поэзія: пѣсня, сказка, пословица, поговорка. Здѣсь же находится цѣлый рядъ замѣтокъ возраженій Веселовскому по поводу его взглядовъ на сравнительную міеологію.

2-я папка записокъ по теоріи словесности начинается слѣдующей замѣткой: человекъ идетъ отъ того состоянія мысли, при которомъ конкретное явленіе, впечатлѣнія текущаго мгновенія заполняютъ всю ширину и глубину сознанія, къ тѣмъ состояніямъ, при коихъ при помощи все большаго и большаго отвлеченія, стремленія расширить кругъ отвлеченныхъ понятій, мысль становится способной обнимать все болѣе и болѣе сложные ряды явленій.

Теорія міаа въ его отношеніи къ поэзіи составляетъ содержаніе всей этой папки, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ рубрикъ: Міеическое воззрѣніе на вдохновеніе. Здѣсь анализъ взглядовъ древнихъ на причину вдохновенія ведетъ къ цѣлому ряду замѣтокъ о понятіи причины, которое, какъ время, пространство и пр., производно. Первоначально это—сочетаніе образа съ объясняемымъ по сходству, противоположности или смежности въ пространствѣ, послѣдовательности во времени. Заключенія отъ сходства, причинная зависимость по формулѣ *cum hoc ergo propter hoc, post hoc ergo propter hoc* являются ничѣмъ

инимъ, какъ результатомъ умозаключенія въ области метафоры, метониміи и пр. Приемы миѳическаго мышленія, помимо образовъ народной поэзіи, при анализѣ понятій причинности, выражаемой между прочимъ терминами *вражда, любовь* (о чемъ и въ новыхъ запискахъ по грамм.) иллюстрируются выписками изъ Плинія. Здѣсь раскрывается цѣлое міросозерцаніе, непохожее повидимому на наше, но созданное по тѣмъ же законамъ человѣческой мысли, и слѣды его не трудно открыть и теперь. Среди прочихъ примѣровъ видное мѣсто занимаютъ образцы миѳическаго творчества изъ народной поэзіи, заговоровъ, лѣчебниковъ, основанные на томъ, что лѣкарства враждебны тому, что производитъ болѣзнь (теорія противоядій), или дружественны.

Вслѣдъ за анализомъ приемовъ миѳическаго творчества идетъ опредѣленіе миѳа, разграниченіе поэтическаго и миѳическаго мышленія. Миѳъ есть необходимый шагъ мысли; созданіе миѳа есть актъ познанія, какъ и созданіе новаго слова. Отношеніе теоріи словесности къ миѳологіи такое же, какъ ея отношеніе къ исторіи литературы; анализъ миѳа есть исторія миѳическаго міросозерцанія. Разница между миѳическимъ и поэтическимъ мышленіемъ состоитъ въ слѣдующемъ: пользованіе поэтическимъ образомъ, какъ средствомъ преобразованія мысли, предполагаетъ способность ея къ научному мышленію, къ анализу, критикѣ; созданіе миѳа есть результатъ внесенія объясняющаго въ объясняемое (при миѳическомъ пользованіи образомъ) и предполагаетъ конкретность мышленія, отсутствіе критики. (Образецъ иллюстраціи: горячее сердце—поэтическій образъ, и миѳъ о причинѣ пожара при Іоаннѣ IV: Глинскіе настаивали человѣческія сердца и настойкой кропили крыши). На той же почвѣ миѳическаго мышленія при отождествленіи слова и вещи возникаетъ вѣра въ силу слова, откуда заговоры и пр.

Вообще въ содержаніи этого отдѣла большое мѣсто отведено выясненію приемовъ поэтическаго и миѳическаго мышленія, какъ въ первой поэтическаго и прозаическаго или научнаго. Заканчивается онъ замѣткой объ эфемизмѣ, сначала появляющемся въ миѳической окраскѣ и переходящемъ потомъ въ *pruderie*. Эфемизму придается большая роль въ созданіи языка, и А. А. не разъ указывалъ на это явленіе, какъ на серьезную задачу для изслѣдованія.

Наконецъ, вся третья папка посвящена формамъ поэтической индиксальности. Здѣсь сначала рассматриваются такіа явленія, какъ гипербола (отличіе ея отъ лжи), иронія, сарказмъ, хлестаковщина (какъ

особый видъ гиперболы), игра словами, перифразъ и пр. Далѣ слѣдуетъ отдѣлъ о тропахъ и фигурахъ, которому предпосылается разборъ ученія о нихъ древнихъ, Аристотеля, Квинтилиана и др. и новыхъ, главнымъ образомъ Гербера и Луки Зимы. Указавъ на неправильное выдѣленіе эпитета, какъ особаго вида троповъ, А. А. принимаетъ три основныхъ вида: синекдоху, метонимію и метафору. Замѣчательно здѣсь то, что и эти поэтическія категоріи А. А. не считаетъ неизмѣнными, какъ и категоріи грамматическія. Все зависитъ отъ того, на какой ступени развитія мысли стоитъ говорящій, другими словами, отъ отношенія его къ слову. Отсюда при разсмотрѣніи этихъ явленій въ процессѣ исторіи мысли—невозможность положить определенныхъ границъ между ними, когда синекдоха переходитъ въ метонимію, а метонимія въ метафору. Разматривая отдѣльно эти тропы, А. А. отъ простыхъ постоянно переходитъ къ сложнымъ формамъ. Такъ вслѣдъ за синекдохой разбираются сложныя ея формы, *парадегура*, литературный типъ. Затѣмъ идетъ метонимія и ея отношеніе къ синекдохѣ, метафора, простая, какъ членъ предложенія, сравненіе, (переходъ образа въ обстановку, о чемъ см. въ объясн. малор. и срод. пѣс.), уподобленіе; виды сложной метафоры: аллегорія, притча, басня и пр.

Вотъ вкратцѣ передача содержанія записокъ по теоріи словесности въ томъ видѣ, какъ они находятся теперь. Нѣсколько иначе оно распредѣлялось въ курсахъ, читанныхъ А. А.—чемъ, насколько можно судить объ этомъ по имѣющимся студенческимъ запискамъ и двумъ конспектамъ этихъ курсовъ, относящимся къ разному времени. Одинъ изъ нихъ составленъ довольно полно самимъ А. А.—чемъ, другой, очевидно, однимъ изъ его слушателей и находится среди разныхъ черновыхъ замѣтокъ, еще неразматрѣнныхъ.

Состояніе всѣхъ этихъ записокъ таково, что требуетъ основательнаго изученія, безъ котораго приступить къ изданію невозможно. Здѣсь придется имѣть дѣло просто съ черновымъ матеріаломъ. Но при обработкѣ его могутъ принести нѣкоторую пользу отчасти студенческія записки, отчасти упомянутые конспекты и, наконецъ, записанныя нѣкогда стенографически и провѣренныя самимъ А. А.—чемъ 10 частныхъ лекцій, посвященныхъ вопросу объ отношеніи поэтическихъ произведеній къ слову.

Содержаніе остальныхъ 14 папокъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми разрозненными замѣтками, связанными въ пачки, можно раздѣлить на три отдѣла: матеріалы для этимологіи (словари), для грамматики и записки

смѣшаннаго характера. Кромѣ трехъ папокъ, занятыхъ исключительно словарнымъ матеріаломъ, послѣдній находится и въ отдѣльныхъ связкахъ и въ двухъ тетрадкахъ съ комментаріями на Договоры съ греками и Слово Даниїла Заточника. Матеріаль разсортированъ въ 2-хъ папкахъ и связкахъ по буквамъ, въ 3-ей онъ находится въ томъ видѣ, какъ дѣлались выписки. Въ 1-ой папкѣ находятся слова на буквы: *м, н, о, п, р, с, т, у, ч, ш, я*, затѣмъ на *л, р, з, х, с, т*; въ связкахъ — въ одной отъ *к*. до *с*; въ другой — на *б, в, г, д, ж, з*; въ третьей отъ *р, с*, до конца азбуки; въ четвертой — собственные имена, фамиліи, расположенныя также въ азбучномъ порядкѣ. Много выписокъ съ собственными именами находится и во 2-ой папкѣ, а третья вся занята словами на буквы отъ *б* до *л*. Весь собранный здѣсь матеріаль по своему характеру напоминаетъ обнародованное уже въ печати, въ 4 выпускахъ „Къ исторіи звуковъ“ и въ недавнихъ еще замѣткахъ въ „Живой Старинѣ“. Словамъ, на примѣръ, со звукомъ *х* предшествуетъ фонетическая замѣтка объ измѣненіи этого спиранта на почвѣ русскаго языка; въ другихъ случаяхъ, кромѣ бытовыхъ объясненій, встрѣчаются и историко-литературныя; а нѣкоторые выписки напоминаютъ издающіеся въ настоящее время „Матеріалы для древнерусскаго словаря“ Срезневскаго. Общій же характеръ этихъ замѣтокъ — этимологія, понимаемая въ смыслѣ раскрытія лексической полноты слова. Если исторія слова выходитъ за предѣлы русскаго и славянскихъ языковъ, то для уясненія развитія слова всегда привлекается сравнительный матеріаль изъ прочихъ арійскихъ нарѣчій. Что до распредѣленія этого матеріала, то азбучный порядокъ изрѣдка встрѣчающійся въ соч. „Къ исторіи зв.“ здѣсь, какъ указано, преобладаетъ; въ частности же нерѣдко встрѣчается и группировка словъ по гнѣздамъ.

Изданіе этихъ матеріаловъ для русскаго сравнительно-этимологическаго словаря несоставитъ большого труда; желательно было бы, чтобы изданіе это было вмѣстѣ съ тѣмъ и перепечаткой вышедшихъ уже въ свѣтъ этимологическихъ изслѣдованій А. А. Потебни. Среди словарныхъ работъ Миклошича и др. трудъ А. А. займетъ почтенное мѣсто и составитъ важную настольную книгу для всякаго занимающагося изученіемъ древней русскои письменности, народной словесностью и вообще славянскими нарѣчіями. Печатающіеся въ настоящее время „Матеріалы для древнерусскаго словаря“ Срезневскаго получаютъ въ этимологическихъ замѣткахъ А. А. весьма существенное дополненіе, безъ котораго многое въ нихъ останется неяснымъ.

Хотя изученіе звуковой наружности языка А. А. считалъ дѣломъ второстепеннымъ въ языковѣдѣніи и на свои изслѣдованія по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка смотрѣлъ, какъ на необходимыя лѣса для возведенія зданія русскаго синтаксиса; тѣмъ не менѣе всѣмъ извѣстно важное значеніе его фонетическихъ изслѣдованій. Да и самыя синтаксическія его работы достаточно указываютъ на качество этихъ лѣсовъ, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ морфологія русскаго языка. Въ 7-ми папкахъ находятся тѣ матеріалы изъ этой области русскаго языковѣдѣнія, которые покойный неспѣшилъ обнародовать.

Въ первой изъ нихъ находится склоненіе существительныхъ, прилагательныхъ, замѣтки по изслѣдованію о членѣ въ русскомъ и прочихъ славянскихъ нарѣчіяхъ и обьименныхъ суффиксахъ. Категоріямъ родительнаго падежа, мѣстоименію, частицамъ, союзу (обь излишествѣ союзовъ), превращенію мѣстоименія въ союзъ и нарѣчіе, предлогу посвящены замѣтки во 2-ой папкѣ. Третья заключаетъ въ себѣ матеріалы обь удареніи въ именахъ по склоненіямъ, въ глаголахъ по разрядамъ и формамъ, о вліяніи предлоговъ на ударенія и пр. Отдѣлъ обь удареніяхъ находится въ болѣе обработанномъ видѣ, чѣмъ другіе.

Въ 4-хъ папкахъ собраны матеріалы о глаголѣ, которые должны были, повидимому, лечь въ основу 4-й части записокъ по грамматикѣ какъ и первые три. Судя по начатой разработкѣ этой категоріи рѣчи, это вовсе не матеріалы для изученія формъ глагола ради формъ, а для новаго дополненія къ русскому синтаксису. Вотъ нѣкоторыя рубрики, усмотрѣнныя нами въ этихъ запискахъ: о глагольныхъ разрядахъ; исторія глагола съ внѣшней стороны является его усложненіемъ, исторія его съ внутренней стороны—выработка видовъ; о видахъ, временахъ, наклоненіяхъ, глагольныхъ частицахъ, о вліяніи предлоговъ на образованіе видовъ; о залогахъ, о роли мѣстоименія *ся* въ образованіи залоговъ, о страдательности; роль предлоговъ въ заложенныхъ образахъ (*до, отъ* и др.).

Пересматривая замѣтки о глаголѣ, мы пришли къ тому печальному заключенію, что то, что читалось въ аудиторіи, не заносилось на бумагу; а между тѣмъ такого изслѣдованія о русскомъ глаголѣ и его судьбахъ, какого можно было ожидать отъ А. А., русская грамматическая литература долго, можетъ быть, не увидитъ. Коротенькій семейный курсъ, читанный имъ въ послѣднее время о глаголѣ, указываетъ на то, что онъ имѣлъ въ виду дать стройную исторію происхож-

денія глагольныхъ разрядовъ въ такой же обработкѣ, въ какой мы имѣемъ исторію имени въ 3-й части записокъ.

Что касается остальныхъ папокъ смѣшаннаго содержанія, то въ нихъ за исключеніемъ 2-хъ, посвященныхъ народной поэзіи, народно-поэтическимъ и мѣстическимъ образамъ и одной съ черновыми набросками для новыхъ записокъ по грамматикѣ, интересна по своему содержанію папка съ слѣдующими набросками: Объ изученіи иностранныхъ языковъ (по поводу Тютчева) съ цѣлымъ рядомъ замѣтокъ о народности; о задачахъ языкознанія, о важномъ значеніи русскаго языка (конспектъ вступительной лекціи 1881—2 г.); языкъ и задачи языкознанія (болѣе новыя замѣтки); объ искусственномъ языкѣ (по поводу статьи Макса Мюллера въ *Deutsche Rundschau*); о націонализмѣ (по поводу статьи Рюдигера въ *Zeits. f. Volksps.*; замѣтки о томъ же по поводу книги Данилевскаго „Россія и Европа“; объ Одоевскомъ (конспектъ реферата); о Дневникѣ писателя (тоже); о литературномъ письменномъ общерусскомъ языкѣ; о заповѣди „чти отца твоего“ въ примѣненіи къ дѣтелямъ слова. Замѣтки такого же общаго характера находятся и въ другихъ папкахъ и среди бумагъ еще неразобранныхъ, какъ напр. о пессимизмѣ, объ отношеніи къ прошлому, о диссертациі Соболевскаго, о методѣ изслѣдованія, о Л. Толстомъ (его послѣднихъ сочиненіяхъ) и пр. Всѣ онѣ имѣютъ весьма важное значеніе для біографіи (я не говорю о научномъ ихъ значеніи, которое несомнѣнно) А. А., для выясненія его взглядовъ на нѣкоторые волнующіе и волновавшіе нѣкогда русское общество вопросы; онѣ прольютъ свѣтъ также и на его міросозерцаніе, цѣльное и жизнерадостное, и опредѣлятъ, какимъ образомъ сложился этотъ типъ положительнаго человѣка съ здоровыми убѣжденіями, такъ благотворно вліявшаго на всѣхъ, кому пришлось побывать въ его сообществѣ.

Я не упомянулъ еще объ одной рукописи, именно о переводѣ Одиссеи на малорусскій языкъ размѣромъ подлинника. А. А. серьезно занимался этимъ трудомъ во время одной лѣтней поѣздки за границу, отдыхая отъ своихъ научныхъ занятій. Сотня стиховъ или больше переписаны имъ набѣло, часть рукою его жены М. Ф. Потебни. Остальное—наброски карандашемъ, обнимающіе 8 нѣсенъ и начало 9-й, да подготовительныя замѣтки для перевода. Судя по нимъ, покойный хотѣлъ дать переводъ чисто-народнымъ языкомъ, близкимъ къ стилю Гомера; и потому сдѣланное имъ начало перевода представляетъ трудъ весьма интересный въ литературномъ и въ научномъ отношеніи.

Есть, наконецъ, еще пачки бумагъ неразсмотрѣнныхъ, которыя не представляютъ ничего цѣлаго. Это — отчасти конспекты лекцій, отчасти обрывки „научнаго дневника“, (по выраженію покойнаго) съ замѣтками и выписками изъ читанныхъ имъ книгъ.
